

ЗАСЛОН

Литрес

Валентин Пичугин

Заслонить собой

Валентин Николаевич Пичугин

Заслонить собой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69174868

SelfPub; 2023

Аннотация

Нет большей чести, чем быть верным до конца своему долгу, защищая Отечество. Авария при испытании новейшего оружия разлучила Ивана Тихонова – ведущего инженера ОАО «Заслон» не только с семьёй, но и лучшим другом. Почти двадцать лет несёт он службу на секретном объекте в океанской бездне. Но рано или поздно настанёт час встречи с противником лицом к лицу, где ценой победы является жизнь.

Валентин Пичугин

Заслонить собой

Мрак за стеклом был необычайно красивого цвета. Могло показаться, что крошечное антрацитовое полотно перед глазами едва уловимо отливает фиолетовыми бликами, но Иван помнил о свойстве оптической иллюзии, меняющей в зависимости от его настроения оттенки непроглядной заволакивающей темноты. Так бывает, если зажмуриться после яркого солнечного света, а, спустя некоторое время, причудливые разноцветные медузы призрачными кляксами плывут перед глазами. «После яркого солнечного света ... Сколько лет я не видел его?»

– Сто семьдесят пять тысяч двести часов сорок семь минут пятнадцать секунд, шестнадцать секунд, семнадцать секунд, – напомнила бегущая строка время его пребывания на борту аквабата «Заслон – 2074».

– Довольно, – прошептал Иван, и буквы растаяли, освобождая место для угольной черноты, пристально рассматривающей его из глубины океана.

– Сколько же сейчас Алёнке? – он наморщил лоб, пытаясь опередить своего назойливого подсказчика, и сам себе ответил. – Скоро будет двадцать шесть.

– Двести двадцать семь тысяч пятьсот двадцать часов ..., – поспешила напомнить неутомимая помощница, но

Иван отключил функцию, не позволив информатору завершить передачу данных.

«Через девять дней у дочки будет день рождения. Почти двадцать лет прошло, как я погиб. Интересно, как они выглядят сейчас? Надо будет Артёма попросить, чтобы сделал фотографии Алёнки и Анны».

– Неопознанный глубоководный объект. Класс «Флорада-81», скорость шестьдесят три узла в час. Время вхождения в зону безопасности – ноль часов семнадцать минут одиннадцать секунд, – пробежало красным по экрану.

«Ого, чего эти барракуды здесь забыли?» – Иван помнил наизусть тактико-технические характеристики субмарин военного блока «Pacific ocean», а потому не обратил внимания на титры. Эти проныры были вооружены новейшими средствами обнаружения и уничтожения противника, хотя и уступали «Заслону» в средствах самозащиты. Самым опасным оружием подводных крейсеров этого класса были автономные миниатюрные торпеды, в огромном количестве ждавшие сигнала к атаке в подбрюшье лодки, из-за чего «Флорада» напоминала беременную камбалу, готовую немедленно разродиться тысячью маленьких смертоносных пираний, нацеленных сожрать всё, что встретится на их пути.

Иван не сомневался в безопасности вверенного в его управление глубоководного аппарата, но тотчас предпринял дополнительные меры, маскирующие аквабат. Бесшум-

но схлопнулись створки панорамного обзора, имитирующие поверхность камней, покрытых слоем донных отложений и водорослей, потерявших ориентиры и растущих горизонтально, напоминая увядшие земные цветы. Пневматические щупальца выпустили дополнительные «когти», кроша скальную породу и крепко цепляясь за отвесную стену западного края Алеутского желоба. Здесь, в зоне субдукции на стыке наползающей Северо-Американской плиты на Тихоокеанскую, вот уже двадцать лет нёс свою службу «погибший смертью храбрых при испытании нового вида вооружения лейтенант Тихонов Иван Николаевич». Так, или примерно так, сообщили жене Анне о трагическом происшествии на далёком острове Земли Франца-Иосифа, куда она проводила мужа в последнюю в его жизни командировку...

– Подождёт, никуда твой приятель не денется, – Аня продолжала удерживать Ивана у дверей. Слезы беззвучно скатывались по щекам к подбородку, но она не могла их утереть, обнимая любимого и не желая отпускать от себя. Маленькая Алёнка стояла тут же, не зная, как реагировать на отъезд папки. С одной стороны, ей было жалко плачущую маму, с другой, – отец обещал привезти ей коготь белого медведя, так что, пусть едет и возвращается скорее, она будет очень ждать его подарок.

Звуки сигнала с улицы становились всё настойчивей, призывая главу семейства «к порядку и немедленному оставлению объекта по причине безотлагательной и срочной».

– Ну, что ты, в самом деле? В первый раз что ли? – Иван попытался высвободиться из объятий Анны, доставая носовой платок, чтобы промокнуть её слёзы. – Посмотри, целую лужу наплакала. Через две недели как штык буду дома. Да, Алёнка?

– Да, – соглашалась дочка. – Мама не плачь, папка тебе тоже коготь привезёт.

– Иван, будь, пожалуйста, осторожнее. Что-то нехорошо у меня на душе, сон плохой видела, а о чём не помню, – она пристально посмотрела на мужа. Кажется, в тот момент Иван почувствовал, что видит эти красивые любимые глаза в последний раз. Её взгляд проник в самую глубину его души, где жена увидела ответ на свои тревоги.

– Аня, да ну тебя, – передёрнулся он и переступил порог. – Ты – взрослая девочка, а веришь в какие-то предрассудки на пороге двадцать второго века. Всё, целую твой прелестный носик. Будьте умницами!

– Папа, а мой носик? – подскочила Алёнка, протягивая к нему пухлые тёплые ладошки.

– А твой цеюю два разика, даже три ...

Иван увидел корпус «Флореды» раньше, чем замерцала надпись на экране, извещающая о пересечении границы допустимой возможности вторжения. Это была красивая лодка, если бы не безобразно раздувшееся брюхо, таившее в своём чреве не одну сотню миниатюрных подводных лодок с одним единственным предназначением – убивать. По сути, это

был подводный аналог авианосцев, пугавших в начале века своим присутствием страны и континенты, избравшие иной путь развития, отличающийся от навязанного миропорядка. После известного события, когда господам, испытывающим милитаристский зуд, дали по зубам, в мире установился относительный покой, однако все понимали, что явление это временное, а передышку надо использовать для поиска оружия сдерживания, одним из которых и стал первый образец глубоководного центра управления «Заслон-2074», в строительстве которого принимал самое непосредственное участие молодой выпускник военной академии Иван Тихонов.

«Флорада» хищно водила носом, словно вынюхивающая крыса, в надежде поживиться добычей на глубине океана в тысячу метров. Если быть точным, то точка погружения «Заслона» на западном карнизе впадины составляла 1027 метров. Это был своего рода символ, предложенный разработчиками в память об АПЛ «Комсомолец» – «золотой рыбе» российского Северного флота.

Иван не просто наблюдал за «хищницей», появившейся в этих водах неспроста. Он «светил» её внутренности, считывая новейшее секретное вооружение на борту субмарины и передавая информацию в Генеральный центр принятия и обработки условных кодируемых сигналов, невидимых и неслышимых неприятелю. Но и «Флорада» была неспроста, удерживая корпус и средства навигации по направлению к отвесной стене желоба, не позволяя развернуться к Ивану

боковой кормой. Лодка замерла на безопасном для неё расстоянии, а спустя минуту, словно размышляя, раскрыла один из отсеков и выпустила на волю пару шустрых «щурят», тут же устремившихся в направлении «Заслона». Они не видели скрытую от любопытных взоров полусферу из высокопрочного стекла и титана, но словно чувствовали её близость, исследуя каменные стены впадины, яростно вырывая манипуляторами куски породы, поросшей бурой растительностью.

Ивану, наблюдающему за пронырливыми дронами, не составило бы большого труда испепелить нахальных пришельцев, но он не имел права обнаружить себя, даже в случае крайней опасности. Его предназначение и многолетнее нахождение здесь заключалось в другом: «Заслон» был создан как некий диспетчерский пункт, скрытый под толщей океанской воды и призванный передать приказ военным спутникам на уничтожение любого оружия, грозящего его стране. Лишь явное обнаружение позволяло ему использовать весь арсенал имеющихся средств отражения нападения, крайним из которых было самоуничтожение с поражением всего живого в радиусе до тысячи метров.

Он хорошо помнил, как они со своим закадычным другом Артёмом, попав после академии в лабораторию предприятия, занимающегося разработкой и строительством первой «заслонки», наперебой предлагали свои сумасбродные идеи конструкторам, а те, в свою очередь, снисходительно отмахивались от молодых учёных, мол, что с фантазёров возь-

мёшь.

«Сейчас бы наша «Мормышка» не помешала, – Иван улыбнулся, мысленно возвращаясь через десятилетия в прошлое, как они вдвоём с товарищем с пеной у рта навязывали членам экспертной комиссии незамысловатую на первый взгляд идею о заманивании вражеских амфибий на глубину за их приманкой, имитирующей подводную лодку малого класса. – Утопили бы эту дуру вместе с её головастиками в Алеутской баклуше». Он даже представил, как трещит и лопается сверхпрочный лоснящийся корпус «Флореды», увлечённой погоней за пустой «мормышкой», манящей нырнуть на семикилометровую глубину. Однако, спустя короткое время, их проект по разработке аквастатов отметили, предложили доработать параметры наполненной воздухом обманки и лебёдки, тянущей аналог аэростата, заполняемый водой по мере погружения на максимальную глубину. Но главное было в другом, за дерзость мыслей их взяли в группу учёных, трудившихся над первым «Заслоном», которым теперь управлял Иван.

– Не посрами, сынок, трудовую династию Тихоновых, – басил отец вечером на кухне, раскрывая альбом с фотографиями и дипломами. Он готовился уйти на заслуженный отдых с должности начальника отдела комплектации и ремонта бортовой радиоэлектронной аппаратуры для кораблей морского флота, а сейчас сидел в семейном кругу, тыча пальцем в снимки именитых коллег и предшественников, принесших

славу и заслуженное уважение ОАО «НТЦ «Завод Ленинец».

– Что значит «не посрами»? – вторил дед, сидевший поодаль на диване. Старик отдал все свои сорок два года службе родному заводу и по праву носил звание «Заслуженный работник отрасли», специализируясь в сфере изготовления и внедрения бортового радиолокационного комплекса для стратегической авиации. – Славу приумножь, чтобы фамилия «ленинцев» гремела.

– Отец! – поправляли его сын с внуком. – «Заслоном» теперь завод назван, «защитники» мы теперь.

– Негоже нам за щитом прятаться! – дед тряс сухоньким кулаком, грозя невидимому врагу и привставая с дивана. – Пусть знают, что от Тихоновых наперёд по сопатке можно получить!

– Чего вы здесь разбушевались? – входила мама с кастрюлей наваристого борща. – Кого бить собрались?

Дед возвращался на своё место и торжественно заключал:

– А кто сунется к нам, тому и всыпем! Сыну твоему наказ наш отеческий внушаем, чтобы служил с честью и достоинством!

– Обещаю, так и будет, – улыбался Иван, принесший в дом радостную весть о зачислении на службу в АО «Заслон» ...

Прервалась цепочка на Иване, не Алёнке же продолжать дело отцов. Он вспомнил, как она кружилась перед зеркалом, изображая танец белой снежинки. Дочка и была похожа на снежинку, хрупкая, с русыми волосами в маму и милым

детским личиком:

– Папа, привези мне белого медведя.

– Как же я тебе его привезу, доченька? Он не поместится в мой портфель.

– А ты возьми у мамы большой чемодан.

– И тебе не жалко? А вдруг у мишки маленькие детки? Они останутся без мамы и будут плакать и мёрзнуть в снегу.

Алёнка прижалась к нему накануне отъезда, на глазах заискрились слёзы:

– Жалко. Привези мне чёрненький носик тогда, мокрый и блестящий.

– Давай, я привезу тебе коготь. У Мишки их двадцать, – Иван пересчитал дочурке пальчики. – Думаю, что он рад будет поделиться одним с маленькой сладенькой девочкой.

– Я согласна, – слёзы мгновенно высохли, наполняя детское сердечко счастьем и радостным ожиданием ...

Снаружи послышался металлический скрежет «зубов» манипулятора одной из амфибий, настойчиво исследовавшей каменный скальный выступ. Иван взглянул на экран. Мерзкая тварь грызла породу в непосредственной близости от его аквабата. Казалось, что она делает это с удовольствием и каким-то звериным аппетитом. Крошки камней сыпались из механической пасти, бесшумно струясь в пропасть, разверзшуюся под ними. Камеры, установленные в носовой части, напоминали акульки зрачки, налитые кровью. Они вращались асинхронно, оттого казалось, что эту хищницу стук-

нули по башке, и она не ведала, что творила. Но Иван знал, что это не так. Программа работала безупречно, успевая нацелить разведчиц на исполнение задач и определить новые, чтобы область исследования была максимально большой, а качество исполнения – высоким. Электронный интеллект этих видов минихищниц был ему знаком, однако он знал и о некоторых изъянах шныряющих возле него разведчиц. Они были зависимы от команды с головного подводного крейсера, который застыл в миле от «Заслона», ожидая результатов обследования скалы, выступающей над впадиной. Помнил Иван и о том, что вся армада миниатюрных подводных лодок могла соподчиняться закону стаи при определённых обстоятельствах, критическое время для которых пока не наступило.

Внезапно «пиранья» застыла с раскрытой зубастой клешней, словно прислушиваясь, потом резко развернулась и устремилась к «подружке», кромсающей скалу в отдалении. Но и оказавшись вместе, они не успокоились, нырнув глубже и исчезая из поля обзора его камер наблюдения. «Флорада» продолжала хранить молчание, покачивая раздувшимися боками и оставаясь на месте.

Одно беспокоило Ивана: не сегодня завтра должен приплыть Артём. Он видел прибывшее научно-исследовательское судно с гидрографами и климатологами, остановившееся в семнадцати километрах от его местоположения, как того требовали инструкции по безопасности, приблизиться на

минимальное расстояние – означало выдать тайну нахождения экспериментального образца «Заслона». Под прикрытием экспедиции прибывал и его товарищ, чтобы спуститься к подводному аппарату, обслужить оборудование, а заодно поглядеться с другом, который спас ему жизнь неимоверно высокой ценой. За все годы нахождения Ивана на борту аквабата Артём не приплыл к нему единожды. Незнакомый техник, меняющий батареи, был угрюм и немногословен, а на его вопрос о товарище бурчал что-то нечленораздельное под нос.

– Ты что, не можешь сказать мне конкретно: он жив или нет? – теряя терпение, вскричал Иван, обеспокоенный отсутствием друга.

Гаечный ключ выпал из рук «засланца» и со звоном упал на консоль. Механик повернулся к нему лицом, смешно поддёргивая веком над правым глазом:

– Типун тебе на язык! Сопли у него, успел, зараза, где-то простудиться. Сивирский не пустил твоего дружбана, и меня, стало быть, подрядили. А у меня жена на сносях, мне это надо?

– Что? – обрадовался Иван известию о том, что с Тёмкой всё в порядке.

– Что, что? – недоумённо переспросил техник, и они дружно рассмеялись, каждый о своём ...

Соваться товарищу, когда вокруг рыщут подводные шакалы, смерти подобно. Нет у Ивана возможности предупре-

дить Артёма о крайней опасности. Когда-то, давным-давно, поклялись они на крови, стоять друг за друга горой и быть вместе в радости и горе, даже ладони расцарапали ножом ради этого случая. Иван машинально взглянул туда, где должна быть его рука со шрамом – вечным знаком нерушимой клятвы, но руки не было. Не было ничего, кроме головы, нашпигованной датчиками и электродами и закреплённой на постаменте в окружении многочисленных приборов и экранов, с помощью которых он управлял миром. Он заслонял собой мирное небо над головой Алёнки, Ани, Артёма и ещё миллионов людей, живущих в стране, которую так любит. По его сигналу каждый из спутников космического проекта «Чёртово колесо» был готов уничтожить лазерным лучом любую враждебную цель, угрожающую приблизиться к границам Родины.

– На то у тебя голова, чтобы думать, – снова улыбнулся Иван, тревожась за Артёма ...

Их командировка подходила к концу. Уже были собраны дорожные вещи, наполнены сумки обещанными сувенирами для жены и дочки. Испытания новейшей нейтронной торпеды малого класса «Протей» завершались успешно, суля повышение в званиях и чинах и материальное вознаграждение за грамотную и оперативную работу. Это с подачи Ивана и Артёма долгожданная «продукция» особой секретности обрела возможность маскировки высочайшего класса под любого обитателя морских глубин от акулы до дельфина. Имен-

но за способность к перевоплощению подводный беспилотник получил имя сына Посейдона и Геры, а его метаморфозы грозили неприятелю неожиданными и неприятными сюрпризами. Пять таких подводных дронов дремали в отсеке «Заслона-2074», готовые к защите глубоководного Центра и его обитателя.

Низкое полярное солнце скупо освещало белёсые камни безжизненной снежной равнины, спеша скрыться в дымке, висящей над океаном. Иван с Артёмом поджидали других членов экспертной группы инженеров, чтобы спуститься в бункер, облачиться в защитные скафандры и произвести контрольный пуск «Протея», поставив восклицательный знак, символизирующий успешное завершение испытаний. Когда все собрались, а лифт, охнув от перегруза, нехотя заскользил вниз, Иван вдруг вспомнил, что оставил свой кейс с инструментом в шкафу.

– Без меня не начинайте, – попросил он товарищей и поднялся наверх. Внезапно пол под ногами качнулся, утробный звук подземного взрыва потряс лабораторию. Иван подбежал к лифту, но шахта была пуста, видимо, ударная волна сорвала подъёмник с тросов, удерживающих кабину на весу. Он бросился к аварийному спуску, расположенному неподалёку, спеша на помощь товарищам. В разрушенном отсеке, наполненном ядовито-жёлтым дымом, были видны лежащие на полу тела людей. Иван не помнил, сколько прошло времени, пока он не вытащил последнего участника груп-

пы из зоны аварии, упав без сознания возле спасительного выхода. Не знал он и о том, что после экстренной эвакуации пострадавших на материк, доставили его и ещё двух сотрудников в медицинский центр без какой-либо надежды на спасение. Слишком долго они пробыли в злополучном отсеке, даже скафандры не могли гарантировать безопасность от воздействия топлива, разлившегося в результате инцидента. Чёрная дыра проглотила его целиком, а спустя семь дней выплюнула на поверхность за приговором.

– Ты слышишь меня, Иван? – голос Сивирского выдернул его из липкого небытия. Академик, руководитель научного проекта «Заслон -2074» сидел возле кровати и гладил своего лучшего ученика по голове. – Слышишь.

Рядом стоял Артём, держа на весу руку, закованную в кистевой ортез. Лицо его, иссечённое мелкими порезами от лопнувшего забрала скафандра, было печально и сурово.

– Неважные у нас новости для тебя, Ваня, – по-отечески тепло и участливо продолжил профессор, продолжая поглаживать его по волосам. – Давай решать, что дальше делать будем.

Иван попытался приподняться на локтях: «Что он надо мной причитает, будто я помер? Может мне ноги оторвало или руки?» Он попробовал пошевелить конечностями и вопросительно посмотрел на Николая Генриховича, удивляясь безуспешности своих попыток.

– То-то и оно, – лицо Сивирского сморщилось, словно он

хлебнул горькую микстуру. – И руки на месте, и ноги. Только нет в них больше силы ...

Профессор замолчал, подбирая нужные слова, а через паузу продолжил:

– А завтра и их отнимут. Мужайся солдат, выбор у тебя небольшой, а времени на принятие решения, считай, не осталось. Не смогли доктора сепсис остановить, крадётся он к твоему мозгу и толкает на край жизни. Последний шанс остался, но и он рискованный, поскольку подобных операций было произведено ограниченное количество. Одним словом – быть или не быть, вот в чём вопрос! Я покину тебя на время, поговори с другом, может, что надумаете. Уважу любой твой выбор.

Сивирский тяжело вздохнул, поднялся и вышел из палаты, прикрыв осторожно дверь.

– Что, Артём, всё так плохо? – прохрипел Иван, провожая глазами наставника и учителя. Глаза товарища засверкали от близких слёз, но он сдержался, кивнул, поднимая голову к потолку, словно там был ответ на непростой вопрос друга.

«Какой же это выбор?» – метнулось в голове после рассказа Артёма, но вслух спросил лишь одно. – Я смогу когда-нибудь вернуться оттуда?

– Никогда, – ответил друг и отвернулся.

– Понятно, – прошептал Иван. – Что ж поделаешь, если нет другого выхода? Я согласен. Ане сообщи обо мне, Алёнку поцелуй ..., чуть не забыл, коготь передай дочке на па-

мать об отце. Когда операция?

– Завтра, медлить нельзя. Прости меня, Ваня, – Артём склонился у изголовья, словно прощаясь.

– Когда-нибудь мы обязательно увидимся, расскажешь ... – Иван запнулся, решив не развивать тему похорон и всего, что с этим связано.

Вошёл Николай Генрихович. Он осунулся, словно постарел на годы за время ожидания за дверью.

– Я согласен, – повторил Иван, не отводя глаз. – Позаботьтесь о моих.

– Спасибо, сынок. Я не сомневался в твоём решении. Одна теперь у тебя задача осталась – Родину до последнего защищать. И в нас не сомневайся, твоих не бросим. Хочешь меня о чём-то спросить?

– Вы думаете, что моё участие как-то поможет умным машинам превзойти врага? Где я, и где вся мощь передовой науки, которой напичкано всё оборудование аквабата.

Профессор поскрёб подбородок, немного подумал и ответил, будто благословил Ивана в дальний, опасный путь, откуда не возвращаются:

– Безусловно, машины многократно превосходят человеческий мозг по скорости выполнения различных операций, но ни одна из них не обладает тем, что мы называем смекалкой. Они молниеносно спрогнозируют поведенческий алгоритм противника, его действия и поступки, но им не по силам угадать, что может предпринять человек в минуты

грозящей опасности. Твой разум, вооружённый передовыми технологиями и приборами лучших инженеров предприятия, станет серьёзным оружием, противостоять которому наши противники не смогут десятилетия. А нам сейчас эта передышка очень нужна ...

Капитан «Флореды» Гордон Смит не был новичком в поисковом деле по обнаружению русской станции в районе Алеутского желоба. Более того, он слыл, пожалуй, самым опытным из всех командиров субмарин, рыщущих сейчас в толще океанских глубин, ведь по данным военной разведки таких подводных пунктов должно быть пять, но первая, самая главная, находилась где-то здесь, рядом. Неслучайно исследовательское судно «Академик Сивирский» из года в год ложится на несколько дней в дрейф в этих широтах. Его брюхатая красавица тотчас же покинула секретную базу близ Анриджа, как только поступил сигнал об остановке русского экспедиционного корабля в обозначенном районе, и три дня сторожила возможный спуск челнока или батискафа, предполагая, что основной задачей маскирующихся под учёных гидрологов является техническое обслуживание станции. У Смита не было на руках характеристик таинственного русского оружия, которому с лёгкой руки парней из «Гексагона» было присвоено наименование «Эренна – 87», где цифры обозначали год первого упоминания о начале эксплуатации русского подводного manager. Что же касалось имени, то оно красноречиво свидетельствовало о свойствах «эрен-

ны» приманивать и беспощадно жалить противника, потому и держал капитан свою «флорату» на безопасном расстоянии. Зачем жертвовать мамочкой, коли есть тысячи прожорливых детёнышей в её брюхе, которые, если потребуется, найдут, сожрут или доставят на борт подводного крейсера свою жертву. Смиту нужна была «эренна» живой, целёхонькой, чтобы спецы из лаборатории в Кенаре, смогли как следует выпотрошить русскую медузу. Тогда можно с чистой совестью уходить в тихую гавань на заслуженный отдых, проводя время на своей вилле в Эль-Сегандо в написании мемуаров о былых боевых подвигах и уходе за садовыми королевскими стрелициями, растущими в изобилии на солнечном склоне обширного участка возле дома.

Капитан Смит тряхнул головой, прогоняя прочь мечты об уютной старости на берегу океана, о «райских птицах», цветущих круглогодично и радующих морского волка в дни редких посещений своего заповедного гнёздышка. Он и сам был чем-то похож на эти оранжевые экзотические цветы: загорелая обветренная кожа лица, несмотря на долгое пребывание под водой, высоко поднятый подбородок, выдававший неукротимое стремление властвовать. Подчинённые хорошо знали его ядовитый характер, вызывавший у многих членов экипажа рвотный рефлекс, что не умаляло авторитета и достоинств капитана в управлении подводной машиной.

– Смени меня на мостике, – посмотрев на часы, прохрипел Гордон помощнику, смышлёному малому, мечтавшему

сменить его в ближайшее время на капитанском посту, а сейчас стоявшему неподалёку от своенравного и непредсказуемого шефа, впитывая, словно губка, жесты, слова и поступки многоопытного командира. – Да смотри, глаз не спускай с уступа. Уверен, что наша рыбка затаилась где-то здесь.

– Слушаюсь, сэр! – подобострастно воскликнул офицер, пропуская капитана. Он знал, что в это время Смит принимает воздушные ванны в солярии, куда доступ другим был строжайше запрещён. – «Строит из себя ковбоя, тоже мне Клинт Иствуд».

– И вот ещё что, – бросил небрежно Гордон через плечо, – отправь пару беспилотников для обследования стены, пусть патрулируют, а я пока отдохну.

«С чего бы ты устал, морская лиса? Не лучше ли сменить акустиков, они уже сутки на ногах», – раздражённо подумал помощник, глядя вслед покидающему рубку капитану.

– Не слышу ответа!

– Слушаюсь, сэр! – подчинённый вытянулся во фронт, но Гордон этого уже не видел и не слышал, занятый своими мыслями и воспоминаниями.

Капитан Смит был одиноким человеком, без друзей, семьи, детей. Его никто не ждал на шикарной вилле, разве что, мулатка Амаль, приглядывающая за домом в его отсутствие, да старый садовник Мигель, ухаживающий за цветами и суккулентами, облюбовавшими каменистую тропу, ведущую к побережью. Впрочем, дети у Гордона могли быть. Чего сто-

ила жаркая то ли Лулу, то ли Лили, которую он встретил в Семаранге, когда они стояли на рейде в ожидании пополнения запасов воды и продовольствия. Или Исидора, обещавшая ждать его вечно в одном из портов базы в Стэнли, той, что неподалёку от залива Баркли? Темперамент молоденькой вдовушки мог обещать ему наследника, если бы Гордон вовремя не сбежал на лодку, чинившуюся в местном доке из-за дурацкой поломки. Эти и другие женщины наверняка носили под сердцем плод его мимолётной увлечённости, но он не знал и не хотел знать об этом. Зачем? Вытоптать стерилиции на его ухоженном участке или, того хуже, разбить бейсбольным мячом цветные витражи на веранде, которые он сделал на заказ у известного дизайнера из Феникса? Нет уж, увольте! Старый кэп хочет провести свои дни в тишине и покое.

«Какой же я старый?» – Гордон снял китель, затем рубашку, аккуратно повесил в шкаф и подошёл к зеркалу. На него смотрел мужественный мужчина пятидесяти с небольшим лет, мышцы груди бугрились сквозь смуглую кожу, плоский живот мог бы вызвать зависть юношей на пляже в Санта-Морике. – Может подождать с рапортом? Мы почти подружились с мамочкой, думаю, что ей будет жаль расставаться с таким наездником, как я.

Он не заметил, что размышляет вслух, любуясь своим отражением в зеркале. Постояв ещё какое-то время неподвижно, Гордон расстегнул пуговицы брюк и шагнул в бокс, вклю-

чив режим лёгкого загара, как он любил, поворачиваясь лицом к лампе, сияющей над головой ...

Серебристый челнок с аббревиатурой «АС РФ» на борту скользил сквозь изумрудную толщу воды, стремительно погружаясь и увеличивая ход по мере удаления от корабля. Артём Петров, управляя шаттлом малого класса, мог бы добавить скорости, ведь ему так хотелось поскорее увидеть друга, тем более что пришлось пропустить последнюю экспедицию. Он долго корил себя за тот вечер накануне отплытия, когда переел мороженое на вечерней прогулке с сыновьями и подхватил лёгкую простуду. Но врачебная комиссия быстро установила его недуг и отправила к Ивану дублёра, несмотря на яростные протесты Артёма.

– Отставить, майор! – председатель комиссии строго посмотрел из-под очков. – Вы лучше нас знаете о рисках. Впредь будете думать, стоит ли нарушать установленный режим перед командировкой. Идите и подумайте!

Целых два года думал Артём, мысленно разговаривая с другом всякий раз, отходя ко сну, приводил весомые оправдания своего легкомыслия, аргументировал убедительными фактами, что не должен бы был простудиться. Иван улыбался, и все доводы Артёма рушились, как карточный домик от дуновения ветра.

– Прости меня, Ваня, я был неправ, – вслух произнёс Артём, погружаясь в глубину и оставляя за спиной матовый пятно северного солнца, тускло мерцающего сквозь толщу во-

ды. Как бы ему не хотелось приблизить момент встречи с товарищем, обречённым в силу трагических обстоятельств на вечное подводное отшельничество, он понимал, что спешка в данном случае ни к чему. Артём Петров был дисциплинированным человеком. В противном случае ежегодные свидания с тем, кто спас ему жизнь, могли бы и не состояться. Перед каждым погружением он был обязан пройти обязательные тесты, осмотры и собеседования на предмет соответствия его кандидатуры поставленным руководством задачам. Это вам не муси-пуси, не было здесь понятий дружбы, любви, тоски. Чтобы выполнить регламентные работы на стратегическом объекте – нужно соответствовать! И ничего более! Вот только у майора Петрова была фора перед соперниками на право обслужить «Заслон», поскольку нёс на борту аквабата свою службу его самый лучший, самый преданный друг. И другого такого у Артёма уже не будет.

– Глубина погружения 457 метров, расстояние до пункта назначения 8002 метра, рекомендовано увеличить градус, – равнодушно произнёс автопилот, заполняя водой носовые цистерны балласта.

– Давай-ка, приятель, настроим гидроакустику на режим шумового пеленга, – отдал команду Артём, вспомнив напутствие инструктора перед погружением. – Пошупаем, что так взволновало капитана.

– Режим пеленгования включен, – послушно откликнулся автопомощник, активируя бортовые лидары и сенсоры.

– А что у тебя с голосом? Мороженое ел? – решил пошутить Артём, чтобы снять нарастающее напряжение перед встречей.

Электронный помощник не ответил на шутку и, немного помолчав, пожаловался:

– Регламентный срок замены мембран истёк. Требуется ...

– Ладно-ладно, я пошутил. Вернёмся на базу, сообщу о твоих невзгодах, – перебил Артём, всматриваясь в экран раннего обнаружения: жёлтые пульсирующие точки мерцали в сером матовом овале монитора.

– Расстояние до объекта четыре тысячи сто пятьдесят метров. Предполагаемая угроза отсутствует, – хрипло известил автопомощник, словно и ему передалось необъяснимое волнение пилота. – Активирую функцию идентификации.

«Нет, не случайно меня мариновали на корабле четверо суток. И капитан, тот ещё жук, мог бы оповестить о возникших сложностях, вместо того чтобы запереться в каюте с инструктором и спорить до посинения. Конспираторы».

«Академик Сивирский» прибыл на место в указанное время. Экипаж отправился отдыхать, кроме вахтенных офицеров и группы матросов. Мерно шумели винты, удерживая легшее в дрейф судно. Артём продолжал настройки навигационного оборудования, забравшись внутрь челнока. Здесь, в трюме, было тихо и светло, ничто не отвлекало от подготовки к спуску шаттла под воду. Ничто, кроме размышления о предстоящей встрече с Иваном. Артёму казалось, что

друг совсем не изменился с тех пор, как заступил на свой бессменный пост: всё тот же голый череп, униженный множественными трубками со стороны затылка, всё та же обезоруживающая улыбка, знакомая со дня первого знакомства. Даже выражение лица уверенного в себе человека и, вместе с тем, застенчивое и располагающее, оставалось таким, каким он помнил его много лет тому назад.

– Готовишься? – неожиданный вопрос подошедшего инструктора выдернул его из воспоминаний. – Придётся отставить.

– Что так? – Артём вытер ветошью руки и выбрался с сиденья пилота. – Надолго?

– По ситуации, – уклончиво ответил инструктор и улыбнулся. – Океан не принимает пока.

«Ситуация» растянулась на четверо суток. Он не мог припомнить такого за всё время своих спусков, когда экспедицию возглавлял Николай Генрихович. С ним не забалуешь. Как правило, погружение происходило в следующую ночь после прибытия, реже – через двое суток. Но чтобы «загорать» без малого неделю – это, конечно, перебор.

– Будь крайне внимательным, – напутствовал Артёма капитан, когда наконец «отцы-командиры» решились начать спуск челнока. Ходовые огни «Академика Сивирского» были потушены, но даже в этой кромешной темноте он чувствовал озабоченность и тревогу на лицах членов команды сопровождения. – При обнаружении опасности немедленно

возвращайся назад.

– Думаю, что было бы правильнее меня посвятить в ваши опасения, – Артём заправил манжеты скафандра, спеша забраться в люк спускаемого аппарата. – Или вы считаете, что потенциальные риски лучше преодолевать в неведении?

Капитан помолчал, затем присел на корточки и шёпотом произнёс, склонившись к Артёму:

– Следят за нами, старик. Все эти дни «паслась» рядом подводная лодка, но сейчас снялась с дежурства. Вот и решили в паузу произвести погружение, не дай бог, опять вернётся. Так что, береги себя.

Он похлопал Артёма по плечу и отошёл от борта, провожая долгим взглядом скрывшийся под водой челнок ...

– Расстояние до объекта 1898 метров. Предполагаемая угроза отсутствует. Удалённость движущихся предметов не позволяет осуществить идентификацию, – хрипло бубнил бортовой помощник.

– Сбавь-ка скорость, приятель, и прижмись к вон той скале, – отдал он голосовой приказ автопилоту.

– Конкретизируйте маршрут, командир, – надтреснутым голосом откликнулся тот.

– Сейчас, – Артём навёл курсор на одиноко торчавшую подводную скалу, густо облепленную морской растительностью, отчего она казалась живой и подвижной. – Координаты точки: 52 градуса северной широты, 172 градуса восточной долготы. Давай остановимся и оглядимся.

Шаттл медленно вплывал в грот, скрываясь в подводной арке под ветвями водорослей, колыхающихся в потоке подводного течения, словно приветствуя заблудившегося странника и предлагая свой кров и покой ...

«Пираньи» вернулись. Иван вздрогнул, услышав скрежет манипулятора одной из амфибий. Стальные клыки остервенело грызли скорлупу из донных отложений, образовавшуюся за десятки лет его пребывания на борту «Заслона». Он замер и почувствовал, как напряглось всё тело, которого не было. Или было?! Иван опустил глаза вниз, но не увидел ничего, кроме постамента из полимерных материалов, на котором покоилась его голова. Однако он явственно чувствовал наливающиеся жаром мышцы ног и рук, как холодеет в груди от грядущей опасности, как освобождается мозг от наносного, ненужного, готовясь вступить в схватку с умным, хитрым и подлым врагом.

– Что, Ваня, послужим державе? – прошептали бескровные губы. Морщины выступили на голом черепе, рассекаясь глубокой бороздой через переносицу. – Послужим!

«Главное в нашем деле – выдержка, – всплыли в сознании слова мудрого учителя. – Вы снова приплыли ко мне белым парходом, как и обещали? Эх, Николай Генрихович, жаль, что не увидите, как всыплю супостатам. Будьте уверены, я вас не подведу».

Иван перевёл положение постамента в центр аквабата, дабы не быть размазанным по стенам в случае режима вра-

щения «тарелки». Автоматы сгруппировали окружающее его оборудование на пятак с механизмом преодоления центробежной силы. Экран боевого сопровождения осветился синим цветом, предоставляя возможность пилоту привести в полную готовность бортовое вооружение.

– Напоминаю о необходимости прогрева двигателей с целью ...

– Помолчи, не то отключу, – пригрозил Иван помощнику. Получилось грубо, и он тут же извинился. – Прости, я знаю. Только нет у нас с тобой этой роскоши – движки продувать. И, вообще, не болтай под руку ...

Автопомощник замолчал, словно осознавая важность момента. В наступившей тишине послышался пронзительный визг, челюсти манипуляторов подбирались к стеклянному куполу аквабата, продолжая ломать каменную корку панциря над ним ...

– Вы что, сопляки, всё ещё не обнаружили русскую лягушку?! – взревел капитан Смит, вернувшись на своё излюбленное место после часового отсутствия. Никого не смутила форма общения «морского льва», напротив, подобная выходка означала лишь одно: командир отлично отдохнул и готов продолжать нести капитанскую вахту. Помощник поморщился и уступил Гордону место.

– За время вашего отсутствия ничего не случилось, сэр!

– Болван! Это отвратительно, что ничего не случилось.

Благодарение высшим силам, что я не заказал столовые при-

боры в желании поужинать русской устрицей. С вашим рвением можно остаться голодным до конца похода, – побагровел Смит, отталкивая плечом нерадивого офицера. – Чего вы тычетесь в эту скалу, как слепые сосунки?! Сметите её к чертям собачим!

– Но, сэр, не было команды использовать оружие, – осторожно напомнил помощник и предусмотрительно отступил назад, упираясь спиной в никелированные поручни. Он помнил взрывной гневливый характер командира и счёл лучшим держаться подальше от непредсказуемого капитана. – Наша задача разведывательная, Центр управления неоднократно напоминал об этом перед походом. А применение оружия разрешено только в крайнем случае.

– Ты собрался меня учить, щенок? – Гордон перешёл на свистящий шёпот, не обещавший помощнику, как и всем присутствующим в рубке, ничего хорошего. – Тебе какой крайний случай требуется?

Капитан кошачьей походкой подступал к подчинённому.

– Сэр, обнаружен объект на расстоянии менее полумили, – раздался голос одного из членов экипажа. Он тыкал пальцем в небольшую точку на экране монитора, встроенного в огромную панель, уходящую к потолку.

– Саботаж? – зловеще прошипел Гордон, приближаясь к побледневшему помощнику. – Позволил себя окружить неприятелем?!

– Простите, кэп, но этот объект только что появился на

наших радарах, – залепетал растерянно офицер, но быстро оправился и одёрнул китель. – По возвращению на базу я составлю подробный рапорт на имя адмирала о происходящем на судне.

– Ладно, – сдал капитан, сверля глазами подчинённого, – разберусь с тобой позже.

Он стремительно подошёл к оператору, сообщившему о неожиданной находке:

– Где?!

– Сэр, оно не движется, – указывал дрожащий палец на застывшую точку.

– Кусок дерьма! Может это акула нужду справляет, – капитан снова разозлился и побагровел. – С чего ты взял, что это технический объект?

– Простите, но акула в этих глубинах большая редкость, да и отражённый сигнал другого свойства, – горячо возразил техник.

– Умник? Нет ли желания галюны почистить? – Гордон отвернулся от оператора, давно поняв, что тот прав, но не желая признавать этого публично. Он поманил к себе стоявшего поодаль старшего офицера и отдал приказ тоном, не терпящим возражений. – Выпускай деток на волю, чтобы разыскали «эренну» и доставили на борт. А тех, двух, отправь к скале, пусть притащат эту дохлую акулу.

Спустя три минуты «Флорада» приступила к метанию икры, раскрыв створки подбрюшья и выпуская на волю тысячу

свирипых мальков, изголодавшихся по жертве ...

Две боевые амфибии, получив новую команду, мчались к челноку, затаившемуся среди водорослей. Шаттл Артёма не имел вооружения на борту. Нельзя же считать оружием электронный гарпун, установленный на случай встречи с хищниками морских глубин. Да и он не обладал возможностью убить зверя, а лишь способностью парализовать его на короткое время, чтобы не создавал помехи при погружении и проведении исследовательских работ. Скорость челнока существенно уступала стремительно приближающимся к Артёму амфибиям, а времени на размышления не оставалось вовсе.

«Это конец? – метнулось и обожгло в голове. Сознание упрямо не хотело соглашаться с холодными и убийственными фактами. – Не гоже русскому офицеру раскисать перед железными стервятниками. Мы ещё повоюем!»

Артём отступил вглубь скальной арки, ожидая приближения неприятеля. Одна из «пираний» притормозила, заходя во фланг, вторая, не сбавляя скорости, неслась на него прямо в лоб. За считанные доли секунды до столкновения Артём включил форсаж и взмыл вверх, скрываясь в толще бурых листьев. Сила инерции безмозглого стального чудовища впечатала лодку в скалу, ломая манипуляторы и чувствительные сенсоры, встроенные в носовую часть. Амфибия заметалась ослеплённая ударом, яростно тычась разбитым носом в стенки грота и осыпая мутную взвесь грунта с камен-

ных уступов. Рваные куски морской травы, с потеплением климата облюбовавшей эти глубины, словно сгустки крови вихрились в водовороте, устроенном беснующейся раненой машиной.

Артём видел агонию одной из «пираний», развернувшись в багровых кустах и маскируясь от другой, избравшей более хитрую тактику. Каково же было его изумление, когда он не обнаружил противницу на прежнем месте. Амфибия исчезла, что не означало её отступления. «Эти твари дерутся до конца», – вспомнилось из курса по ТТХ подобных изделий. Он аккуратно развернул челнок и отпрянул от стекла обзора: прямо на него в упор глядело, беспорядочно вращая «зрачками» камер, примчавшееся чудовище. Оно медленно приближало к челноку один из манипуляторов, будто хотело погладить по обшивке встреченного на глубине противника с буквами «АС РФ» на боку. Рука машинально ударила по красной клавише, приводя в действие электронное ружьё. Артёму показалось, что «хищница» улыбнулась и подмигнула ему в ответ одной из камер, протирая манипулятором зрачок другой, словно в него попала соринка. Через мгновение механическая рука развернулась на множественных шарнирах и выбросила вперёд зубастую челюсть, вцепившись в один из носовых горизонтальных рулей, торчащий из корпуса челнока. Артёма отбросило назад, и он, едва держась в кресле, попытался вырваться из стальных клыков, включив двигатели на полную мощность. Раздался против-

ный скрежет рвущегося металла, челнок, сделал кульбит и, оставляя надорванный плавник в челюсти опешившего зверя, выстрелил соплами в морду противника, плавя камеры и чувствительные сенсоры вражеской амфибии. Однако раненая «пиранья» не спешила сдаваться, тряся манипулятором из стороны в сторону, словно пыталась вытряхнуть Артёма из челнока и растоптать, раздавить, уничтожить человека, попытавшегося восстать против машины. Прочный материал рулевого крыла не позволял шаттлу оторваться от взбесившейся преследовательницы, удерживая Артёма в опасной близости. Он безуспешно рвал двигатель, ревуший на бесценных оборотах, пока не убедился, что не сможет освободиться из намертво сжатых челюстей.

– Не хочешь по-хорошему, будет по-плохому, – Артём стиснул зубы и выключил турбины, медленно опуская челнок на каменный уступ грота. Сквозь прозрачный купол кабины он видел, как продолжала бесноваться одна из ослеплённых машин, пытаясь пробиться сквозь стены пещеры. Удерживающая его за крыло амфибия замерла, «размышляя», что ей делать с пленником, ведь имея в электронной башке команду доставить добычу на борт «Филадельфии», она не могла ориентироваться в пространстве с разрушенными навигационными приборами. Ключья морской травы, встревоженные поединком, разыгравшимся в подводной пещере, медленно оседали на стеклянный купол челнока, заслоня Артёму обзор и видимость застывшей над ним «пи-

раньи» ...

«Икрометание» «Флореды» продолжалось недолго. Тысячи овальных икринок на мониторе ринулись в центр экрана, сливаясь в гигантского жёлтого червя, стремительно приближавшегося к аквабату. «Пора», – Иван послал мысленный импульс к старту. Взревели вольфрамово-иридиевые ножи под титановой кромкой борта, ускоряя своё вращение и сливаясь в серебристую линию. Вздогнули после многолетнего молчания двигателя, выталкивая гигантскую юлу из скалы навстречу шафрановой аскариде. Они неслись друг на друга, не желая уступать и отступать, с единственным стремлением – победить, вот только мотивы у них были разные: хищницы выполняли чужую волю, а Иван исполнял собственный долг.

Гигантский червь вонзился в бешено вращающийся диск, разваливаясь на куски и обтекая полусферу с двух сторон. Несколько покорёженных амфибий с разорванными внутренностями медленно погружались в чёрную пучину, искря разрушенными корпусами и таща за собой серебристые гирлянды пузырей пара. Рассечённая надвое гусеница, стремительно промчавшаяся к стене жёлоба, развернулась, восстанавливая строй машин, и снова ринулась на Ивана. Теперь это был не червь, а гидра с оскаленной пастью и множественными щупальцами, тянущимися к полусфере со всех сторон. «Да чтобы ты подавилась мной!» – воскликнул Иван, выправляя аквабат на ребро и направляя смертоносную фрезу ножей прямо в глотку атакующей флотилии. Это был знат-

ный замес: вспоротые корпуса минилодок, попавших под сверхпрочные ножи, оторванные манипуляторы, безуспешно пытающиеся ухватиться за вращающийся титановый борт, мелкие фрагменты обшивки, царапающие стеклянный купол – всё несло мимо, закручиваясь в бешенную спираль, выталкивающую наружу то, что уже никогда не сможет держаться на плаву. Аквабат вырвался из кишки «туннеля», успев разрушить ещё несколько амфибий, замыкавших хвост гигантского спрута, сложенного из сотен боевых машин. Иван резко развернулся, чтобы встретить неприятеля во всеоружии, но флотилия замерла на отдалении, в ожидании новой команды с крейсера. Однако «Флорада» молчала, меланхолично покачивая боками в подводном потоке, несущем из жёлоба холодные пластины глубинных океанических вод. Вскоре её корпус вздрогнул, она двинулась с места и, проплыв несколько десятков метров, замерла. Амфибии рассредоточились, выстраиваясь в длинную цепь, конец которой тонул в чёрной мгле, окружавшей Ивана со всех сторон. Он понял задумку врага: сейчас эта нить совьётся в спираль, повторяя вращение его аквабата, чтобы иметь возможность ухватиться за корпус и попытаться вскрыть непослушную юлу, из-за строптивости которой не один десяток «подруг» упокоилось на дне морском. Так и случилось, гигантские петли надвигались стремительно, ускоряясь с каждой секундой, спеша набросить смертельный аркан на непослушную машину. Иван подумал и включил обратный реверс, раз-

ворачиваясь нижней плоскостью к несущимся на него кольцам, окружающим полусферу подвижным колпаком, лишь тыл возле стены впадины оставался свободным. Он поборол соблазн прижаться к каменной кромке жёлоба: «Лучшая защита – нападение!» Индикатор, мигая жёлтым, напоминал, что запас энергии исчерпан наполовину, так что не было никакого смысла вращать фрезу в такой рыхлой массе. Отсеки подводных снарядов, скрытые в нижней части «Заслона», резко выдвинулись, занимая боевые позиции и ожидая сигнал к пуску.

– Может поближе подойдёте? – вслух обратился Иван к приближающимся «пираньям», нацеленным использовать ещё один шанс ухватиться за борт аквабата. – Гостинцы я вам приготовил, ненасытные вы наши.

Пять самонаводящихся электрических торпед с кассетным зарядом, способным прошить множественные цели в радиусе сотни метров, застыли, нацеливаясь на рой лодок, окруживших станцию.

– Рано, рано, – шептал Иван, не замечая, как сам направляется в гущу беснующихся в ярости выкормышей «Флореды». – Ещё немного и я угощу вас пирогами с русского стола, чёртовы головастики!

Индикатор энергетического запаса неумолимо приближался к красной зоне. «Какая досада, не успели наши с заменой стержней. Мы бы показали цыганочку с выходом. Но на русскую кадрили у нас сил хватит!»

– Потанцуем? – вслух спросил он мельтешащих за стеклом «пираний» и прикрыл на мгновение веки, чтобы не быть ослеплённым мощной вспышкой первого «Протея», выпрыгнувшего из торпедного отсека с резвостью воина засадного полка, утомлённого долгим ожиданием схватки ...

Артём не увидел яркого света взрыва, а, скорее, почувствовал, как болтануло вражескую амфибию, крепко державшую его челнок в зубах манипулятора. Он рванулся вверх, отрывая тонкий лоскут металла руля и оставляя соперницу с обломком оснастки. На его счастье толстая стена грота смогла погасить ударную волну приведённой в действие торпеды, тогда как противнице досталось изрядно от дальнего взрыва, многократно отражённого от свода пещеры. Её отбросило на острые выступы скалы, оставляя на корпусе рваные вмятины, затем развернуло и швырнуло на противоположный уступ, ломая винты и плавники, а вскоре, напоминая безвольную сигару, боевая машина убийства начала медленное падение в разверзшуюся чернь многокилометровой океанской бездны.

Артём вынырнул из грота, оставляя продолжающую биться лбом о стену «слепую» лодку. Шаттл не слушался, и ему стоило немало усилий, чтобы перегнать челнок к ещё одному укрытию, напоминающему кусок плесневелого сыра с огромными дырами в гигантском каменном ломте.

В миле от его нового убежища творилось невообразимое. Сверкающий купол «Заслона» метался среди жёлтого роя,

высекая при столкновениях с нападавшими лодками снопы зелёного пламени, озаряющего окрестные скалы причудливым смертельным светом. Рассечённый строй неприятеля смыкался и вновь бросался в каком-то безумном порыве без намёка на опасение быть испепелённым в жестокой схватке. «Машинам не ведом страх. Они погибнут все, но не оставят попыток взять верх, если не будет отдана иная команда» – воспалённый мозг Артёма выдавал неутешительные прогнозы на исход сражения. Он был готов броситься на помощь к другу, одновременно с этим понимая, что его порыв не будет значить ничего, кроме бессмысленной гибели и неразгаданной тайны исхода, разыгравшейся перед ним подводной драмы.

Между тем кульминация битвы достигла своего апогея. Смерч агрессивных амфибий распухал на глазах, раскручивая свои кольца так, что Артёму были видны атакующие Ивана машины по краям гигантских окружностей, сжимавшихся с каждой минутой всё плотнее вокруг защищавшегося «Заслона». Лопнул изумрудный пузырь второго «Протея», всосав в эпицентр взрыва несколько лодок и, спустя мгновение, разбросав на сотни метров сожжённые и покорёженные в адском пламени подводные машины. Артём успел увести свой шаттл за базальтовую глыбу, но и она, испытав чудовищной силы удар, покрылась множеством трещин у основания, угрожая обрушиться и похоронить под собой невольного зрителя, балансирующего с перебитым рулевым

плавником у края желоба. Он успел заметить, как начинка разорвавшейся кассеты сразила ещё несколько амфибий, превратив их в металлический фарш, оседающий мутными облачками вниз, и поспешил отплыть от накренившейся глыбы. Последовала ещё одна вспышка, заставившая отпрыгнуть «Флорату», поскольку торпеда, запущенная с аквабата взорвалась достаточно близко к брюхатой барракуде. «Заслон», выпустив плотное облако маскировки, исчез из поля зрения Артёма. В стремительно сгустившемся мраке были видны лишь беснующиеся светлячки «пираний», потерявших жертву. Через короткое время хаотичное движение прекратилось, меняясь на упорядоченное построение поредевших рядов нападавших хищниц, всё ещё готовых продолжать бой. Странная вибрация потряхивала челнок Артёма, даже на таком расстоянии он ощущал синхронную работу множества машин. Это были не разрозненные бойцы, им на смену пришёл могучий робот-исполин, состоящий из сотен стервятников, сплотившихся под одной командой. Гигантская рука монстра потянулась во мрак, откуда снова раздался выстрел, отрубая кисть ещё одной торпедой.

– Остался последний «Протей! – выкрикнул Артём, словно отсюда, из укрытия, хотел предупредить друга.

«Последний выстрел для себя?» – вспомнился ему давнишний юношеский разговор с Иваном. Он ударил от бессилия кулаком по панели приборов и обхватил ладонями голову. «Пойти на «Флорату» и отвлечь её? – спросил он в отча-

янии и ответил. – Первый выстрел с крейсера отправит меня на дно. Неужели нет никакого выхода?!» ...

– Неужели нет никакого выхода?! – словно услышав друга, повторил Иван слово в слово, уводя аквабат в «мёртвую» зону пеленга «Флореды». Он понимал, что последний заряд «Протея» предназначен для самоликвидации, стоит лишь отдать необходимый приказ. Но это означало бы проиграть, отпустив крейсер с её оставшимися выкормышами и бесценной информацией о секретном оружии восвояси.

«Надо во что бы то ни стало приблизиться к крейсеру, а там – видно будет. Помирать, так с музыкой, – вспомнил Иван присказку деда, находясь в отдалении от гигантской субмарины под покровом непроглядной мглы. – Жаль, нет его бура для зимней рыбалки. Присел бы я этой акуле на хребет, да просверлил бы дырку в черепашке. Что же, будем ловить рыбу на живца.

Он мягко заскользил сквозь толщу воды, удаляясь от «Флореды», но лишь с одной целью, чтобы набрать инерцию хода и, развернувшись, на выключенных двигателях бесшумно приблизиться к субмарине, а если повезёт, то и прикрепиться к её корпусу. Сделав петлю, Иван изменил траекторию движения аквабата и заглушил турбины. Через короткое время стали прорисовываться контуры подводного корабля, потерявшего «Заслон» из вида.

«Какая махина! – восхитился Иван габаритам подводной лодки, которая часом назад казалась ему значительно мень-

шей. – Не напороться бы на «пираний».

Однако множественные светлячки сновали по-прежнему у стены желоба, тщетно разыскивая потерянного противника. Аквабат плыл вдоль чёрной стены подводного судна, подыскивая место, где можно было относительно незаметно прикрепиться к корпусу. «Неплохо бы добраться до центрального пункта, только кто же меня туда пустит. А почему бы нам не остановиться вот здесь?» Иван направил «Заслон» к задним гидропланам и плавно опустил на плоскость под турбинным отделением, осторожно погрузив захваты манипуляторов в эластичное покрытие корпуса лодки.

«Вот твой последний причал, Ваня, ... через минуту «Протей» растворит меня и эту чёртову лодку, распылит на молекулы, не оставив и следа, ... надеюсь, что мой пост займут другие, ... жаль, что не дожил до дня рождения Алёнки, ... только бы Артём не попал под раздачу ...» – Иван зажмурился и отдал команду последнему заряду на самоуничтожение ...

– Где?! Где, я вас спрашиваю, кретины?! – орал капитан Смит вне себя от ярости. – Этот русский уничтожил треть флотилии! Где ваши электросети?! Где магнитные ловушки, недоноски?! Я о чём буду докладывать в Анридже?!

Экипаж хранил гробовое молчание. Только что на их глазах чудо-юла обвела вокруг пальца стадо свирепых хищниц, безуспешно рыщущих сейчас возле отвесной стены океанической впадины.

– Возможно, что «эренна» погибла, сэр, – робко подал голос кто-то из экипажа.

– Возможно?! – снова взъярился Гордон и перешёл на зловещий шёпот, что означало крайнюю степень его гнева. – Кто это сказал?

Все, в том числе и старшие офицеры, собравшиеся в рубке управления, склонили головы к приборам.

– Как только вернёмся на базу, спишу на берег весь экипаж. Пусть ваши задницы греют штабные кресла, если среди боевых офицеров не нашлось смельчаков, способных признаться в сказанном, – пригрозил Смит, но это не возымело должного эффекта, поскольку все уловки капитана были давно знакомы членам команды.

– Отлично! Если среди трусливых крыс, вроде вас, нет ни одного, способного дать верный ответ вместо предположения о нахождении объекта, то я покажу вам, как выкуривают моллюска из раковины. Приготовиться к пуску ракеты по указанной цели на территории противника!

– Вы в своём уме, капитан? – возмутился из дальнего угла помощник, отстранённый от должности на время похода. – Это означает начало военных действий, я не дам своего согласия на пуск!

– Молчи, щенок! Я с тобой ещё разберусь. И потом, на время твоего отстранения все права на выстрел принимаются мной единолично, или ты забыл параграф корабельного устава? – Гордон повернулся к застывшим подчинённым. –

Уведите помощника в каюту и запирайте. Всем остальным приготовиться к пуску ракеты. Сейчас мы обнаружим, где спрятался наш «неуловимый Джо» ...

Иван зажмурился, а когда открыл глаза, увидел залитое багровым цветом табло: «Энергетический заряд пусковой установки – 0 процентов». Лишь в нижнем углу пульсировало зелёное пятнышко надежды: «Энергетический заряд турбин – 17 процентов».

– Как же так? – Иван растерянно всматривался в экран, надеясь, что это недоразумение, что автопилот ошибся, оставив его наедине с морским Голиафом, спину которого он оседлал, вцепившись всеми манипуляторами в его резиново-стальное тело.

Внезапно «Флорату» встряхнуло, и второй экран озарился пурпуром. Равнодушный голос обыденно сообщил: «Осуществлён пуск баллистической ракеты, предполагаемая цель находится на территории Российской Федерации. Траектория полёта уточняется, качество заряда боеголовки уточняется».

Ледяная дрожь пробежала по несуществующей спине. Иван был почти уверен, что это всего лишь уловка с целью уточнения местонахождения «Заслона», ведь так бывало и раньше. Все провокации с пуском ракет заканчивались самоуничтожением на подлёте к воздушным границам страны.

«А если нет?»

«Флорату» трясло как в лихорадке, одна из вертикальных

шахт выбросила сноп огня и клубы пара, следом показалось остриё, словно неведомый грызун хищно поводит носом перед тем, как покинуть своё логово. Ракета на мгновение зависла и, сорвавшись с места, устремилась вверх ...

«Сколько дней до дня рождения Алёнки?» – Иван устало прикрыл глаза и отдал последний в своей жизни приказ, запуская турбины на полную мощность и посылая сигнал одному из спутников орбитальной системы «Чёртово колесо» на уничтожение баллистической ракеты противника. Он знал, что с этого момента «Заслон» уязвим и достаточно хорошо виден тем, кто напряжённо ищет его на экранах радаров в последние полчаса. Двигатели аквабата взревели, увлекая за собой «Флорату» в бездну океанического разлома. Иван не слышал радостных воплей экипажа подводной лодки после своего обнаружения, не видел он и страшную суету членов команды, когда многотонная махина самопроизвольно двинулась в смертельную для неё глубину, немало удивив капитана Гордона Смита, пытавшегося отдать распоряжения обезумевшим от страха подчинённым, а потом застывшим на командном посту с белым от ярости, обречённым выражением лица.

«Заслон» упорно толкал чёрную громадину в пропасть, выворачивая «суставы» манипуляторов от колоссального усилия и напряжения иссякающих запасов энергии. Следом за «Флоратой» потянулись «пираньи», оставив в покое изрытую стену желоба, напоминая скорбную процессию тра-

урных проводов, с каждой секундой убыстряющей свой ход. Они миновали скалу, где затаился Артём на изуродованном челноке, наблюдая, как сопротивлялся подводный крейсер, запоздало поняв, что ждёт его впереди, а, спустя короткое время, из чёрной бездны вырвался огромный воздушный пузырь. Следом потянулась гирлянда небольших бледных шаров, ускоряясь в своём стремлении достичь поверхности волнующегося океанского простора.

– Мужчины не плачут, – Артём смахнул выступившие слёзы и включил мотор, направляя плохо управляемый шаттл к ожидающему его «Академику Сивирскому». Ему предстоял непростой путь, но он был обязан доплыть, чтобы рассказать о последнем подвиге своего лучшего друга ...

На набережной большого прибрежного города сотни отдыхающих людей наблюдали необычное атмосферное явление.

– Ванюша, отойди от края, – позвала молодая мама розовощёкого малыша, застывшего возле парапета.

– Мама, мама, смотри! Похоже на твой талисман, – забавный мальчуган, тыча пальцем в сторону моря, подбежал к лавочке, где сидели две женщины. Та, что помладше, подхватила ребёнка на руки, вглядываясь в небо над горизонтом, где распухала гигантская белая запятая, перечёркнутая ярким тонким лучом, льющим из облаков.

– Дедушка Иван шлёт нам привет. Хочешь я подарю тебе его оберег, – с этими словами, молодая женщина сняла

с шеи витую верёвочку с прикреплённым к ней медвежьим клыком. – Он будет охранять тебя от всех невзгод и печалей.

– Ага, а я буду оберегать тебя и бабушку, – уверил в свою очередь малыш, принимая подарок. – Мама, а почему бабушка плачет?

– Наверное, от счастья, что у неё растёт такой защитник.